

Андрей БЕЛЫЙ

Обломки миров

*Александр Блок. Лирические драмы. (Балаганчик. Король на площади. Незнакомка). Изд. «Шиповник». СПб., 1908 **

«Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь, — говорит В. Брюсов, — на алтарь нашего божества мы бросаем самих себя»¹.

«Пусть поэт творит свои строчки, а не свою жизнь, — как бы возражает ему А. Блок... — На алтарь Ничего мы бросаем наше божество и себя».

Символ — соединение; символизм — соединение образов созидающей воли — для чего? Все равно, для здешней или будущей, старой или новой жизни, но жизни. Чем глубже внутренний путь, тем новее, загадочней образы, тем более усилий затрачиваем мы, современники, для опознания и переживания созданной ценности: таково было для современников появление «Заратустры»².

Но есть символизм и иного рода: соединение обломков когда-то цельной действительности (той или этой), соединение первичных ассоциаций души, безвольно сложившей оружие перед роком.

За первого рода символизмом — рождающая действительность будущего, предощущаемого, как греза. За второго рода символизмом — небытие, великий мрак, пустота.

Блок — талантливый изобразитель пустоты: пустота как бы съела для него действительность (ту и эту). Красота его пес-

* Редакция, присоединяясь к мнению автора этой заметки, что драмы А. Блока — «незаурядное явление нашей литературы», не разделяет всех суждений, высказываемых А. Белым о творчестве А. Блока.

ни — красота погибающей души: красота «оторопи», а не красота созидания ценности.

Вот перед нами изящный томик в картонном переплетике; обложка Сомова, как венок из роз, венчает книгу; переверните обложку: вас встретит Предисловие: «лирика не принадлежит... к областям... творчества, которые учат жизни...»³ Далее узнаем, что переживания лирики хаотичны: чтобы разобраться в них, нужно самому быть «немножко в этом роде»; под обложкой в Предисловии встречает вас пустота мысли. Далее встречает вас ароматный венок самого творчества: символы, как розы, гирляндой закрывают смысл и цельность переживаемых драм; приподымите эту гирлянду: на вас глянет провал в пустоту; грациозно, нежно, трогательно слетают туда образы Блока томком розовых лепестков.

Как атласные розы, распускались стихи Блока; из-под них сквозило «виденье, непостижное уму»⁴ для немногих его почитателей, для нас, когда-то пламенных его поклонников, встретивших его, как созидателя новых ценностей. Но когда облетел покров с его музыки (раскрылись розы) — в каждой розе сидела гусеница, — правда, красивая гусеница (бывают красивые насекомые — золотые, изумрудные жуки), но все же гусеница; из гусениц вылупились всякие попки и чертенята, питавшиеся лепестками небесных (для нас) зорь поэта; с той минуты стих поэта окреп. Блок, казавшийся действительным мистиком, звавший нас к себе поэзией, превратился в большого, прекрасного поэта гусениц; но зато мистик он оказался мнимый. Но самой ядовитой гусеницей оказалась Прекрасная Дама (впоследствии разложившаяся на проститутку и мнимую величину, нечто вроде «-1»); призыв к жизни (той или этой — вообще новой жизни) оказался призывом к смерти.

Но далее: Блок стал еще более совершенным техником, а Незнакомка, Смерть, жизнь, проститутки, рыцари, кабачки — все, к чему ни касался Блок, превращалось в изящный, как изящная виньетка, покров над... чем? И вот в «драмах» оказалось, что это «что-то» есть... большое «Ничто». Сначала рассыпал мир явлений, потом рассыпал мир сущностей. «Драмы» Блока — обломки рухнувших миров (того и этого), как попало соединенные в своем полете в пустоту: здесь к реальному образу приставлена голова Небесного Виденья, там к образу Виденья приставлена голова восковой Клеопатры или чертяки, или даже голова из сыра «бри» — все равно: ведь сила своеобразной прелести рыдающих драм Блока (которые рыдают всем, чем угодно: Бетховеном, комаринской и т. д.) в том, что в них нет

ничего, они — ни о чем: «ряд встающих двойников — бег предлунных облаков»⁵. Лирика Блока, разорванная в клочки драма, не перешла в драму; драма предполагает борьбу или гибель за что-то: в драмах Блока гибель; ни за что ни про что: так, гибель для гибели. Лирика разорвалась и только: и все просыпалось в пустоту. Мы читаем и любимеся, а ведь тут погибла душа, не во имя, а так себе: «ужас, ужас, ужас!»

Без связи, без цели, без драматического смысла, мягко струит на нас гибнущая душа ряд своих образов: символизм — ряд синемаграфических ассоциаций, бессвязность — вот смысл блоковской драмы. Пусть читатель не примет мои слова за осуждение этих «драм»: в них есть особая красота: красота «оторопи», красота мертвенности.

«Коса смерти — коса девушки: девушка с косою (волос) за плечами, но с косою смерти в руках» — вот ход ассоциаций Блока⁶. «Корабли плывут» в «Короле на площади»⁷. Далее в «Незнакомке» эти корабли уже бумажные корабли⁸: тем не менее они уплывают, подобно картонной невесте (пресловутой девушке с косою и «косою»), которая тоже куда-то исчезает.

«Человек в пальто (громко, как ружейный залп). Бри! Собеседник. Ну это... это... знаете. Человек в пальто (угрожающе). Что знаете? (Все вертится)» (1-е действие. «Незнакомка»).

Через действие.

«Из общего разговора доносятся слова: “рокфор”, “камамбер”. Вдруг толстый человек... выскакивает на середину комнаты с криком: “Бри”. Поэт сразу останавливается. Мгновение кажется, что он вспомнил “все”» (3-е действие. «Незнакомка»)⁹.

Попробуйте подойти к драмам Блока с точки зрения цели, смысла, ценности. «Бри» — и все тут! Вот безвольно вырастает чудесный образ, но как ружейный залп пустота выпаливает: «Бри!» И подстреленная, насмерть подстреленная душа струит на нас синемаграф образов. И если есть захват в драмах Блока, если плачем мы вместе с поэтом, то плачем мы не над героями его (его герои — картонные манекены), плачем над драмой самого Блока. С нежной улыбкой погибающего вырезывает он свои картонажи и вот: мистики ждут смерти, Пьеро — невесту; приходит невеста с косою за плечами — мистики думают, что коса не за плечами, а в руках; Коломбина верна Пьеро, Арлекин, пропев четверостишие, уводит Коломбину, автор врывается в картонный мир: Арлекин проваливается в бумажную бездну, в разрывах бумаги появляется невеста с двумя косами (косою и «косою»). В заключение Пьеро играет на дудочке¹⁰.

«Бри» — и все тут.

Вы говорите, нельзя понять драм Блока; да их нечего понимать: их надо пропустить сквозь себя: ведь это — обломки ценностей, которым, быть может, молился поэт. Захватывающая сила этих драм есть бесцельная тризна поэта над своей душой, которая и себя, и свои кумиры бросила на алтарь... пустоты. Эту тризну я слышу и сейчас и болезненной любовью, любовью-жалостью принимаю я плач больной души над собой, и смех больной души над собой: плач и насмешка от чистого сердца.

«Бри» — и все тут!

Эта изящная книжечка — незаурядное явление нашей художественной жизни: Блок — незабываемый изобразитель «пустых» ужасов: тут перед нами бесшумный провал всего, что вообще может провалиться. Искренностью провала, краха, банкротства покупается сила впечатления и смысл этой «бесмысленности»: но... какою ценой?

«Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь, — говорит В. Брюсов, — на алтарь нашего божества мы бросаем самих себя».

«Пусть поэт творит свои строчки: поэт вообще — это строчка с пишущим аппаратом в виде так называемой человеческой личности», — отвечает А. Блок.

